

The cover features a central illustration of a man and a woman in silhouette, standing together and looking at a framed picture on a light green wall. The man is on the left, and the woman is on the right, leaning slightly towards him. The floor is a warm, reddish-brown color. In the top right corner, there is a circular badge with the text '16+'.

16+

Михаил Пономарев

Дни Бочонка

Михаил Пономарев

Дни Бочонка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Пономарев М.

Дни Бочонка / М. Пономарев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Работа, дом, бар... Или наоборот: бар, дом, работа. Впрочем, неважно. Вряд ли кто-нибудь знает, на каком месте разорвётся череда повторов. А может, ей вовсе не стоит разрываться: просто умертвить всех в настоящем, ведь в будущее, как сказал мастер, возьмут не всех. Пока люди пытаются разобраться в абстракции, уходит их время, возможности, желанное счастье. На самом же деле думал над этим не я - я просто попытался заново изобрести велосипед, при езде издающий надоедливый треск ломающейся жизни.

Глава 1

"Я всегда выбираю самое красивое" – сказал однажды Андрей Павлович Садёнов. Вообще он часто так говорил, казалось, что даже пытался вернуть при каждом удобном случае, но на самом деле это был его девиз по жизни, которому он всегда следовал.

Садёнову было лет сорок. Высокий, статный, всегда одетый с иголочки, он зачёсывал волосы назад, из-за чего собеседники невольно прибавляли ему несколько лет возраста. Если вместе с тем взять в счёт на заказ сшитые костюмы, сменяемые Андреем Павловичем довольно часто, то перед глазами отчётливо всплывёт образ богатого мужчины полностью утвердившего свое место в жизни. Его часто можно было встретить на маленьких улочках, по которым он, никуда не спеша, прогуливался почти каждый день. Садёнова непременно можно было бы принять за чудного богача, о коих сейчас ходит столько историй: одни ездят до небоскрёба своей корпорации на метро, другие, несмотря на миллионы валюты живут на гроши в неделю, а третьи и вовсе спешат улететь на космическую станцию и остаться там до последних дней жизни. Хоть Андрей Павлович и не имел состояния, люди, случайно встретившие его на улице, с полной уверенностью утверждали друг другу, что за углом дома где-то неподалёку у него стоит автомобиль бизнес – класса с личным водителем за рулём. Косвенно он догадывался что о нём думают, однако не считал нужным подходить к каждому и говорить: "Я не так богат, как вы могли подумать, просто всегда выбираю самое красивое. Вам, наверное, тоже нравится красивое, только вот вы боитесь себе в этом признаться, всё ссылаетесь на то, что форма обманчива. Может быть, может быть. Определённо может быть. Впрочем, живите счастливо, а мне пора". У услышавшего такой слегка пугающе откровенный ответ прохожего вопросы должны исчезнуть сами собой.

Садёнов не любил много болтовни. "К чему же столько слов вслух? – спрашивал он иногда. – Эстетика понятна любому народу без слов." Я был единственным, кому он задавал вопросы, но делал это не с целью получить в ответ, а ответить на них самому. Общение, в общем-то, мало интересовало этого человека. С полной уверенностью могу сказать, что для него существовала более занимательная альтернатива, вместе с тем требующая уделять ей меньше внимания и сил.

Чтобы приступить непосредственно к самой истории, мне нужно описать удивительный характер Андрея Павловича, который, я, будучи его товарищем, досконально изучил. Ни единого намека на снобизм и высокомерие в нём никогда не существовало. В противовес этому, многие едва знакомые мне личности уже сейчас утверждают о якобы тайных интересах Садёнова. Вряд ли из слухов можно разобрать хотя бы малую долю правды.

Садёнов был спокойным человеком способным в любой ситуации размышлять с необычайной холодностью. Говорил он мудрые практические советы или просто кивал головой, соглашаясь со словами собеседника, его мысли абсолютно точно были заняты чем-то другим. Я даже как-то шутливо называл его Цезарем, на что он почти не реагировал, только улыбался, пожимая плечами; такая реакция у него была на многие вещи. Однако стоило ему увидеть красивый пейзаж, необычное отражение света от стекла, да просто бытовую ситуацию, преисполненную атмосферой праздности доведённой до абсурда, как он резко воодушевлялся и готов был разговаривать на самые разные, в том числе и сокровенные темы. Так я услышал несколько историй из детства. Но о них позднее. Удивительную наивность сохранил в себе Андрей Павлович. С возрастом ей на смену не пришел окостеневший скептицизм, а добавилось добродушие, лишь подкреплявшее её. Порой это становилось сильно похоже на отчуждённость от жизни и всего существующего положения дел; разве что только похоже, потому что в нужный момент Садёнов брал ситуацию в свои руки, спускаясь с облаков на землю, к делам и заботам (в некоторых из них от тоже видел уникальность, чего я отрицать не стану: возможно она и вправду там есть).

С самого начала нашего знакомства, я утвердился в мнении о том, что передо мной крайне странный, по сравнению с остальными людьми, человек, в чём со временем переубеждался и, в конце концов, даже убедился в обратном. Впервые я случайно увидел его в парке, когда совершал вечернюю пробежку. Незнакомец сидел на скамейке под низко спускавшейся кроной дерева и смотрел куда-то над своей головой. На нём было лёгкое чёрное пальто с позолоченными пуговицами, схожее с армейской шинелью, только с виду стоившее раз в десять дороже. Я мельком взглянул на богача и, не найдя ничего необычного, побежал.

Первый круг по окраине по окраине парка дался мне легко. Преодоленные 600 метров даже не разогрели мышцы, потому к началу второго круга я ускорился. На минуту замечу, что в то время на улице стояла промозглая и холодная осень, а конкретнее – конец октября, если не ошибаюсь, что тоже может случиться, всё таки описываю здесь вам события семилетней давности. Общую картину той поры дополнял пробирающий до костей сильный ветер, одновременно заставлявший людей съёживаться в своих пальто и восхищаться устроенными вихрями из грязно-пёстрых осенних листьев, чей полёт всё напрашивалось сравнить с сальсой.

Тем временем я добежал второй круг, уже изрядно подмерзнув в своем легком спортивном костюме. Странный мужчина до сих пор сидел на скамейке с поднятой вверх головой, совершенно не двигаясь и игнорируя пронизывающий любую одежду ветер. "Ну и пусть сидит, – подумал я тогда, – никому ведь не мешает". Добежав третий и, по вине погоды, последний круг, этого человека я уже не застал. Видно он решил до лучшей погоды отложить наблюдения, да в конце концов "война войной, а обед по расписанию". Представьте моё удивление, когда я, выходя из парка, где, похоже, оставался один, увидел у самых ворот Андрея Павловича, тогда ещё мне не известного. Он снова сидел на скамейке под раскидистой кроной дерева и снова за чем-то наблюдал, подняв голову к бетонному небу. На этот раз любопытство завладело мной и вместо того, чтобы пройти мимо и направиться прямо к калитке, я подошёл к одиноко сидящему человеку.

– Извините за столь несуразный вопрос... Просто интересно: чем вы занимаетесь?

– Что? Да, – будто бы очнувшись от обморока, задумчиво пробормотал незнакомец. – это так: наблюдение.

– За кем наблюдаете? Или за чем?

– Хм... Просто. За всем, что есть. Андрей Садёнов.

Так мы и познакомились.

В последующую неделю я точно также заставлял его в парке по вечерам, когда выходил на пробежку. Здоровались. Каждый день он выбирал новый предмет наблюдений: деревья, небо, пруд, земля.

Однажды он вежливо остановил меня во время пробежки и предложил прогуляться до бара, чтобы выпить чего-нибудь разогревающего в холодную погоду. Действительно, на улице с каждым днём всё больше и больше холодало. На лужах образовывалась ледяная корка, не таявшая даже к полудню из-за отсутствия солнца. Зелёных листьев на деревьях совсем не осталось, они будто специально меняли свой цвет на болезненно желтый, будто чувствовали скорый приход осадков в виде первого снега.

Андрей Павлович дождался, пока я добегу последний круг своей зарядки и мы отправились ближайший от парка бар с названием "Бочонок". Только переступив порог заведения сразу решили, что холодного пива никто из нас не хочет, а потому заказали графин бурбона и мясное ассорти в качестве закуски.

Бар находился как нельзя к месту на окраине города. Несмотря на десятки алкомаркетов, напоминавших пограничные блокпосты, уютный "Бочонок" всегда имел посетителей, хоть и не много, зато большинство постоянных. Среди них были и мы с Андреем Павловичем. Удивительно, что здесь до сих пор не видели друг друга.

В этот же вечер между нами во время третьего графина бурбона развернулась дискуссия на все темы разом. Такое бывает, когда незнакомые собеседники пытаются объяснить друг другу свои политические, да какие бы то ни было взгляды, спорят, а в конце концов со смартфона понимают, что говорят об одном и том же, только разными словами. После таких разговоров завязывается настоящая мужская дружба и появляется искреннее взаимопонимание.

– Неплохой бурбон, – немного жмуря глаза произнес Андрей Павлович после первого тоста "за знакомство". – американцы придумали восхитительный напиток.

– Безусловно. А вы были в Америке?

– Нет, только собирался побывать, но всё время откладывал, то неожиданные дела, то ещё что-нибудь; знаете, как это обычно бывает. Хотел ещё слетать в Европу: очень много о ней читал статей с пёстрыми фотографиями. Культурные центры, чистота, готические соборы. Мечтаю жить возле одного из них, и чтобы окна дома прямо на лицевую сторону выходили.

– Прямо как Достоевский себе жильё хотите выбрать.

– Точно так. Не знаю, на самом деле, что он такого видел в русской идее. Ничем ведь мы не отличаемся от других, такие же люди везде, а вот искусство везде разное.

– Может быть. Я тоже мало где был, разве что на курортах, поэтому судить трудно о всей подноготной.

– Но порассуждать можно.

– Почему бы нет. – усмехнулся я.

Мы выпили по рюмке.

– Впрочем, – продолжил Садёнов. – наслаждаться можно где угодно, вопрос лишь в том, что для человека есть наслаждение. Странно сейчас смотреть на то, как толпы людей получают наслаждение от денег: зарабатывать много, тратить много. Некоторые имеют столько денег, сколько до конца жизни нельзя потратить. А зачем – не понятно. Жертвуют гроши на благотворительность для привлечения внимания к своей персоне и дальше гонятся за сверхдостатком. Так жизнь и проходит. А вместе с ней столько красоты и мгновений, которые никогда не повторятся в вечности. Нужно запоминать живое, его расцвет и смерть. Я это понял ещё давно, во время наблюдения за падающими листьями. С тех пор люблю наблюдать за сим процессом. Уже не помню с чего начинал развивать мысль...

Андрей Павлович рассмеялся глухим смехом как бы внутрь себя. На его лице стали отчётливо видны много мелких морщин – всё-таки время не забывает брать своё.

– Кажется, говорили о доме, где бы хотели жить.

– Верно вспомнили. А где вы?

– Да в глухомани какой-нибудь. Среди живой природы. Ни в коем случае не воле огромных каменных построек: рядом с ними не почувствуешь себя свободным. Да и живое не запомнить особо.

– Ну как же! Вот встанете вы рядом с... Кёльнским собором, к примеру, как сразу почувствуете свое единение с историей, свою принадлежность к событиям, которые происходили несколько веков тому назад. Ну а если не почувствуете, то можно просто сесть на лавочку неподалеку и также, как и в парке наблюдать за падающими листьями. Хотя в таком месте царит особая атмосфера, люди меняться начинают, когда впервые видят чудо в готическом стиле. Больше уникальности появляется. Понаблюдать точно есть за чем.

– Пожалуй вы правы. Только муторная слишком у вас идея.

– Тем лучше! Зато как возвышается на фоне остальных. Все идут к счастью через что бы то ни было, а я к эстетике. Пожалуй даже в немного пьяном состоянии я не решусь сказать, что счастье кроется в эстетике, в ней скорее образ жизни и ещё что-то выше счастья. Удовлетворение, наверное. Счастье не приносит полного удовлетворения, а эстетика приносит. На этом пожалуй я буду стоять до конца.

– Позвольте, позвольте, а если у вас выработается иммунитет к эстетике и красоте. Не будут они вызывать удовлетворения и всё. Что же тогда делать?

– Быть такого не может! – весело выкрикнул Андрей Павлович. – Сколько живу, до сих пор умиляюсь, когда вижу запотевшие окна проезжающего автобуса. Как ничтожно, скажете вы, а для меня ценнее зарплаты.

– Ну, удивили, удивили.

Тем временем третий графин подошёл к концу. Часы напротив барной стойки показывали полночь, по сему мы собрались расходиться. Завтра, то есть уже сегодня, целый рабочий день. Однако этим дело не закончилось. А закончилось оно четвёртым графином и продолжением оживлённого разговора.

– Как вы относитесь к живописи? – с жаром спросил раскрасневшийся от выпитого Садёнов.

– Пейзажи Саврасова восхитительны! Особенно с таким грязноватым оттенком, как в "Грачи улетели". Просто чудесно!

– Неплохой вкус. А авангард вас не привлекает? "Крик", "Сон, вызванный полётом пчелы вокруг граната, за секунду до пробуждения" – по-моему, гениальнейшие картины. Хотя бытовые сюжеты Саврасова не уступают им в великолепии. Просто иногда мне кажется, что сюжеты, как в "Грачи улетели" очень часто встречаются в жизни, они здесь на каждом углу только и ждут ваших глаз. Лучше ведь посмотреть на неповторимый пейзаж в оригинале, нежели на его интерпретацию художником, которая на холсте останется такой же даже через сотню лет.

– Позвольте, но ведь и авангард весь – это видение художника. Разве галлюцинации Дали могут быть интереснее мастерски написанных пейзажей, куда, между прочим, тоже душу вкладывают. Не соглашусь, что его мысли, изображенные на холсте, могут соперничать с реальностью, будь и она на холсте.

– Через картины Сальвадора можно увидеть то, чего нет в реальности. Вот мы не можем представить искажённое время, а он может! Впрочем, я соглашусь с вашим несогласием, – залился звонким хохотом Андрей Павлович. – потому что можем! Можем!

Глядя на от души хохотавшего аристократа, я был до крайности удивлён, ведь ещё пару часов назад мог бы поручиться всем своим имуществом, что он слишком выдержан для подобных действий. Это же самое удивление заставило меня сначала улыбнуться, а потом ещё громче Садёнова расхохотаться на весь бар. На нас даже не покосились: теперь я наконец понял ещё один плюс "Бочонка": тут все посетители друг другу будто родные; каждый терпим к слабостям ближнего. Если вдруг кому-нибудь невзначай захочется подебоширить, то вряд ли он долго будет нарушать общественное спокойствие, но не потому, что ему заломает руки охранник – вовсе нет. Просто этот человек увидит, что все люди вокруг него дружелюбные и готовы ответить добром на любую просьбу. Возможно так сложилось потому, что в бар ходят в основном те, кто уже нашёл в жизни гармонию.

Нас в тот момент было трудно отнести таким людям. Нахохотавшись, мы уже по хозяйски допили четвёртый графин бурбона и вышли на дождливую улицу. По закону подлости дождь полил как из ведра.

Сделав шаг под навес, Андрей Павлович с умиротворённым лицом закурил.

– Ну что, до свидания. Как-нибудь свидимся, может даже в этом баре в следующие выходные.

– Вернёмся бурбону?

– Ну конечно!

– Тогда до скорого.

Мы пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны.

Жил я неподалёку, на 8 этаже одной из новостроек, окруживших пол города. Стояли они таким образом, что по одну сторону была оживлённая сверкающая окраина, а по другую –

домики частного сектора, за которыми простирались бескрайние просторы лесов. Как оказалось в последствии, Садёнов жил в такой же новостройки. Он постоянно жаловался, что в его собственной квартире нет балкона, а в моей съёмной есть. Он хотел сидеть на нём в кресле по вечерам с бокалом красного вина. Хорошее дело.

Глава 2

Следующую рабочую неделю я работал на износ. Метался по разным делам из одной части города в другую и обратно, и так по несколько раз в день. Тогда то я лишний раз убедился, насколько утомительна дорога. Ни одна работа не утомляла меня сильнее, чем разезды по городу. К тому же терпение испытывал общественный транспорт. Вряд ли какая-либо часть инфраструктуры города может функционировать хуже, чем эта. Однажды, после рабочего дня, я как обычно направился на остановку. Мой трамвай не приходил минут 20, потом 30... В конце концов через 45 минут, он показался из-за угла. Пустой. Всё дело в том, что два вагона моего "8-го" тащились на буксире за двумя вагонами едущего впереди "15-го", маршрут которого, как мне известно, пролегал через площадь 1905-го года, а далее на край света. Домой я добрался уже ночью, да и то заплатив рублей 400 за такси.

Вечер субботы отметился отсутствием планов, потому не дожидаясь ответа от мозга, ноги сами понесли меня в уютный "Бочонок". Вполне возможно, что Садёнов уже был там.

И действительно. За дальним столиком бара я обнаружил его в компании незнакомых мужчины и женщины.

– Друг мой! – воскликнул Андрей Павлович, едва завидев меня.

Мы поздоровались, после чего он представил двух своих друзей: супругов Сатановых, Демида Демидовича и Валентину Ивановну.

– Я знал что вы придёте! Вот, присаживайтесь, – любезно пододвинул кресло Садёнов. – и давайте-ка выпьем.

На столе появилась ещё одна стопка и тарелка закуски "Ассорти-пикник". Любезный эстет налил всем до краёв.

– Ну что, господа. Предлагаю выпить за приятное ваше знакомство в сей пасмурный вечер.

– Давайте, давайте! – хором согласилась компания.

– А мы тут как раз дискутировали насчёт интереснейшей темы. Как хорошо, что вы подошли так вовремя. – начал Садёнов сразу после выпитой рюмки. – А дело в следующем... Нет, лучше по другому: вы верующий? Не обязательно, чтобы приверженец мировой религии даже, а просто так; может быть к секте принадлежите. А может быть молитесь на деньги или удачу!?! – заулыбался он.

– Как видите, боги денег и удачи меня почему-то плохо слышат.

Все дружно засмеялись.

– Да правда ли?

– Ну хорошо, если кроме шуток, то нет. Никогда не задумывался над этим – всё времени нет, только дом да работа.

– И зря! – воскликнул Сатанов, – очень зря. Мне лично вера очень помогает. Выхожу иногда с душного офиса и о Боге вспоминаю. Сразу мысли такого масштаба в голове начинают носиться, что мама не горюй. И облегчение такое, что даже от сигареты отказываюсь.

– Говори больше, дурак! – послышался сзади меня голос.

– Явился не запылится наш младшенький. – резво ответил Демид Демидович.

Я повернулся и увидел за своей спиной высокого мужчину. Первое, что бросилось в глаза – аккуратная итальянская бородка и длинный плащ. Гостя трудно было назвать семьянином, он походил скорее на начинающего холостяка, способного жить свободно, притом, вопреки сте-

реотипам, сохранять аристократический внешний вид. Лицо его выглядело молодым, однако, как оказалось позже, гораздо старше своего возраста.

Садёнов представил нас друг другу. Вновь вошедший Владислав Демидович Боголюбский был родным братом Демида Демидовича Сатанова. На мой как бы в шутку заданный первый вопрос о разных фамилиях чуть ли не разразился семейный конфликт. Из него я узнал, что изначально оба брата были Боголюбскими, но когда старший Демид Демидович женился, то взял фамилию своей избранницы Валентины Ивановны Сатановой, женщины часто бывавшей в состоянии озлобленности ко всему сущему. Возможно из-за этого она сразу не понравилась Владиславу Демидовичу. А когда он узнал, что старший при бракосочетании выбрал фамилию жены, то так разозлился на незадачливого брата, как не злился ещё никогда в жизни. Прямо на свадьбе младший, изрядно выпив, осыпал старшего изощрёнными ругательствами и проклятиями, едва не ставшими причиной драки. Именно этим запомнилась свадьба всем гостям на ней присутствовавшим. Не спасли даже удивительно огромный торт, снятый в аренду дорогой лимузин и стая белых голубей. Междоусобица оказалась куда впечатляюще.

Братья практически не общались (так тесно, как это обычно подобает близким родственникам) друг с другом почти что четыре года, и вот, в последнее время они стали всё чаще оказываться в одной компании, организованной Андреем Павловичем, который, между прочим, поставил себе целью помирить их.

Пару лет назад Садёнов, во времена междоусобицы Боголюбских, при случайных обстоятельствах познакомился с ними обоими. При, опять же, случайных обстоятельствах узнал от каждого сию занимательную историю (практически в одно и то же время!) и поставил себе задачу помирить конфликтующих братьев. Как Демида Демидовича, так и Владислава Демидовича он считал весьма интересными людьми, потому решил сделать доброе дело; "в коём-то веке!" – как он сам сказал.

– Снова за Бога своего агитируешь, Сатанов? – спросил Боголюбский, садясь за стол рядом со мной.

– А тебе какое дело, нехристь?

– Мне, собственно, никакого. Разве что лицемерие твое раздражает. Да и куда там о Боге: мы в каком времени живем? Бог уже устарел. Ему и не позвонить никак. – усмехнулся Владислав Демидович, – Литературная классика вечна, а вот бог устарел. В общем, пустой разговор.

– Понятно. Как был, так и остался. Это для тебя, потребителя, только всё новое нужно, да побольше, куда ж в высокое верить. Много – мало, новое – старое, модное – не модное. Понятно почему у тебя в голове каша.

– Думай как хочешь, мне всё равно.

– Бестолочь.

– Попрошу вести себя спокойно.

– Чёрт с тобой и семь проклятий. Давайте выпьем лучше.

Все встали и с недоумевающими лицами подняли рюмки. Боголюбский пить отказался.

– Атеист, а праведника из себя строит, вот потеха!

– Твоё какое дело?

Старший брат не расслышал вопроса младшего, так как уже жмурился от крепости бурбона.

– Господа, господа! Мы же всё-таки интеллигентные люди, поэтому давайте без конфликтов. Лучше порассуждаем на интеллектуальную какую-нибудь тему. – предложил Садёнов.

– Неужели до вас, Андрей Павлович, дошли правильные мысли. – едко заметила до сих пор молчавшая Сатанова, будто внутри неё разом пробудилась давняя злоба

– Ну, хорошо, хорошо. Расскажу одну историю: интересно что вы скажете.

– Просим!

– Вот! Дело было пару дней тому назад. Вы не поверите, как такое может случиться, я и сам не поверил! До сих пор думаю, правильно ли поступил. Причём день было обыкновенный, рабочий, но такой великолепный: я весь был переполнен радостью от красоты, царящей вокруг. А между прочим, её нужно только увидеть, тогда и ненавистные вам пять дней пройдут как полчаса на изысканной французской выставке Клода Моне. Но это так – лирическое отступление. Собственно, что произошло: я ехал как ни в чем не бывало на работу, немного сонный, хоть и выпил две чашки ароматного молотого кофе. Представили картину? И тут вдруг в мой трамвай врезается машина, благо не на полной скорости. От удара пол вагона попало, старушки, коих, как не странно, было большинство, закричали благим матом. В придачу к общей панике, атмосферу усугубил шипящий голос водителя из покрашенного краской динамика: "Сохраняем спокойствие". Хорошо, что додумался сразу открыть двери. Просто ужас во плоти! На самом деле он кроется в каждом нашем, да и не только нашем действии. Даже во внештатной ситуации... Хорошо, в маленьком ЧП, связанном с общественным транспортом. Даже в утреннем променаде по парку, в торговом центре, в дружеской беседе со старым приятелем, в покупке новых вещей, автомобиля или квартиры, в купленной для коротания времени книге... Всё всегда может разойтись с планами, но страшнее всего, когда планы вдруг оказались тупиковыми и ненужными, настолько, что с ними даже нечему расходиться. Примерно такое озарение окатило меня холодным потом с головы до ног в момент жуткой паники в вагонах. До работы я дошёл пешком, любуясь серым утром. Тучи лишь на доли секунды приоткрывали свою тяжёлую завесу, чтобы показать городу пару маленьких лучиков остывшего осеннего солнца. А суета вместе с мыслями о ней взяла и испарилась, позволив мне спокойно насладиться моментом.

К чему я это клоню: после инцидента с трамваем, я везде начал чувствовать этот ужас. Само собой, подобное прозрение не мешает мне жить дальше, не думайте, что я свихнулся. Скорее наоборот. Если нахлынул ужас, то после него, через некоторое достаточно короткое время, настанет момент спокойствия и умиления... Примерно так можно выразиться. И вот тогда-то перед вами откроется красота! Банальный бытовой ужас срывает маски со всего, в первую очередь с нас самих. – вздохнув, закончил Садёнов.

– Позвольте, Андрей Палыч, – тут же фамильярно вставил Сатанов, – ведь подобное вполне объясняется психологией, в которой, как я понимаю, вы не очень сильны.

– Психология? – рассмеялся Владислав Демидович. – Сатанов, не порти впечатление от рассказа своей, прости господи, наукой.

– Не к тебе обращался!

– Ладно. Ты продолжай, продолжай, интересно стало.

Демид Демидович угрюмо посмотрел на младшего брата, отбившего ему всю охоту говорить дальше, но всё-таки продолжил:

– Дело вот в чём... Если кратко. В момент, когда человек испытывает стресс, его сознание как бы превращается воздушный шарик, который подлетает к месту происшествия поглядеть, что же такого случилось. Пока шарик летает, человек стоит в том состоянии, называемом шоком (именно шоком, не ужасом), а когда шарик возвращается и рассказывает нам об увиденном, то шок либо превращается в глубокий страх и ужас, если происшествие оказалось катастрофой, либо проходит, если произошла обыкновенная внештатная ситуация. При втором исходе мы испытываем облегчение, чем-то сравнимое с эйфорией, вот и всё.

– Все бабушки со своими шариками из трамвая прямо в эйфории вышли! – вновь рассмеявшись воскликнул Боголюбский.

– Если Вы, Владислав Демидович, далеки от психологии, то хотя бы не показывайте это на людях. – с натянутой вежливостью ответил Сатанов, видимо вернув самообладание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.